

Престольный праздник

Кто считает Пасху самым большим праздником русской деревни, тот глубоко ошибается. Главным праздником в году у крестьян был всегда храмовой праздник, в котором каждый мужик видел торжественный день своего деревенского покровителя.

В нашей Курской губернии народ особенно любил осенние и зимние «престолы», так как Троица, Вознесение, Петров день и Спас были в деревнях днями «постными», уж не говоря о том, что крестьянские руки были заняты полевыми работами, не было ни свежины, ни птицы, продать было нечего, а потому не было и денег на гулянку. Зато с Покрова один за другим начинались «настоящие престолы», как Казанская, Скорбящая, Димитриев и Михайловы дни, и так вплоть до зимнего Николы, русского престольного дня по преимуществу.

Все полевые работы к этому времени прекращались, свиней, подобравших последний колос на жнивьях, били на сало и свежину; били и лишнего барана, чтобы не кормить зимой; продавали на покровских ярмарках всякую лишнюю скотину, требовавшую себе зимнего ухода и содержания. Гуси и утки, ожиревшие на даровом зерне, резались и продавались огулом. Хлеб был обмолочен, конопля продана, закрома полны, и деньги начинали шевелиться в мужицкой мошне.

Натёрший себе спину пятимесячной работой от зари до зари, мужик к осени стремился отдохнуть и побаловать себя плодами своих трудов. Оттого-то никогда не

бывало на Руси таких длинных, весёлых и пьяных праздников, которые начинались по деревням с Покрова.

Уже за неделю до престольного праздника в нашем селе чувствовалось праздничное настроение. Никто не нанимался ни на какие работы, все стремились в эти дни вернуться к своим домам и хозяйствам. Кто только мог, рассчитывался с хозяином, кто не мог — требовал отпуска, чтобы чувствовать себя свободным. К празднику в село собирались такие люди, о существовании которых многие уже стали забывать, но которые имели на деревне какую-нибудь связь с настоящим или прошлым. Приходили мастеровые из Курска и Орла в новых картузах и с новыми гармониками, шахтёры из Таганрога, сходились со всех сторон отсутствовавшие мужчины, женщины, девки и мальчишки.

Некоторые появлялись к празднику из Ростова и Екатеринодара, сделав несколько сот вёрст пути. Приходил из Крыма старый пьяница Касьян с перебитой спиной и застарелым запахом сивушной гари. Приходил знаменитый гармонист, силач и пьяница Николай — столяр, притащивший неизвестно зачем к сестре жену и дочь, сняв их с места у какой-то генеральши. Приплёлся из Харькова даже Андрюшка Дардыка, у которого на селе осталась родни только невестка покойной жены.

Праздник открывался уже накануне «престола». Съезжались из Щепотьевки, Ольховатогошни, Липовского и Красной Поляны, отовсюду, где только были кумовья, сваты и родня. Иметь кума на селе, где шумел престольный праздник, было большое удовольствие и гордость для мужика. На праздник «ехали» не просто, всякий гость старался обрядить себя, сани и лошадей,

как только можно лучше. Только самый бедный ехал в розвальнях, мало-мальски зажиточный хозяин имел на этот торжественный случай особые сани, с решётчатой спинкой и скамьёй, которые именовались почему-то «диванными». Их устилали коврами, лошадь покрывали попонкой, к дуге и натяжному хомуту подвязывали колокольчик и бубенцы, а когда своих не было, занимали у добрых людей.

Редкий гость ехал в одиночку, в гости мужик считал неприличным тащиться на одной лошадёнке, а всегда припрягал хоть какую-нибудь пристяжку, хотя бы двухлетнего жеребёнка, чтобы только бежал для вида. На покрытых коврами санях самодовольно восседали праздничные фигуры баб и мужиков в крытых тулупах, заячьих шубах, цветных платках и в свежесмазанных сапогах. Тут уже нельзя было увидеть обычную сермягу, лапоть или корявый тулуп с дырами. Все поезжане сознавали особенность своего положения и смотрели на глазеющий на них народ, не участвовавший в празднике, со спокойной гордостью. Они чувствовали, что составляют часть торжества, и что в их образе ехал сам «престол», а не просто проезжие.

— Бабушка! Что ж ты сидишь? — кричала запыхавшаяся девчонка. — Престол едет!

— О-о? Ай уж тронулся? — спрашивала бабка, торопливо слезая с печки. — Пойтить посмотреть, что ж ты раньше не сказала!

— Ей-богу, бабушка, сама только что увидела... Спаские тронулись, да всё парами, с колокольцами... А уж разодеты как, Матрёна Шаланкова в шубе бархатной, а на голове шаль жёлтая... убей меня бог!

Но настоящий праздник был ещё впереди. Хотя с вечера пили и ели досыта, однако, все же удерживались, так как «до обеден — будто не закон». К обедне в тесную сельскую церковь народу набивалось невпроворот. В храме было холодно, как в погребке, во всяком случае, холоднее, чем на дворе; это не мешало тому, что бабы и девки спокойно стояли себе в одних башмаках, нарочно распахнув свои шубы и кофты, чтобы все видели их цветные наряды.

Круглые широкие лица деревенских красавиц в ярких платках с безмятежно-счастливым довольством смотрели кругом себя, а двадцатиградусный никольский мороз только подрумянивал до густоты малины тугие деревенские щёки. Да и как им было не ликовать? Дома они целый год ходили бессменно в замашных рубахах и в затрапезных юбчонках, а теперь все подряд красовались в плисе, розовых ситцах и ярком миткале.

Мужики тоже стояли богач на богаче, у кого не былокрытой шубы — новая свитка поверх полушубка, пояса им бабы понаткали к празднику яркие с концами бахромой ниже колен. Все были причёсаны и примаслены, сразу было видать, что их накануне всех парили в печке.

Поп Никита служил обедню почти трезвый. Это с ним случалось редко, и ещё реже в престольный праздник. За его «питьевые» способности и за душевную «простоту» он был очень любим своими прихожанами: к непьющим попам в деревнях относятся подозрительно, как к людям, «брезгующим народом». За пристрастие к рюмке архиерей два раза уже ссылал о. Никиту в наказание в монастырь «толочь воду», но всякий раз

крестьянский мир и соседние помещики грудью вставали за своего «душевного» попа и добивались возвращения его обратно.

Так как о. Никита вернулся из последнего изгнания только накануне праздника, то до службы «воздержался» и счёл нужным сказать народу даже проповедь, чем все остались очень довольны.

— Ныне славная обедня была, — рассказывал мне вечером пришедший в гости старик Мелентьев. — Поп проповедь сказывал и молебен пел... Ить он у нас голова, божественное учнёт сказывать, хотя бы протопопу в соборе. Слова все мудрёные у него понайдены, не наши... Простому человеку, что грамоте не учён, и понять ничего нельзя...

Не прошло и часу, как воротилась деревня от обедни, а уже вдоль широкой улицы закрутился дым ковромыслом. Избы растворены настезь, и пар столбами бил из дверей. Внутри хат не продохнуть и не протолкнуться; за столами и по лавкам красные, как свёкла, лица в русых и рыжих космах. От многоголосого говора гуденье идёт такое, что слышно за версту. Непривычная к хмелю голова в любой избе опьяневает от одного запаха, так как в ней даже стены пропитались сивушным букетом.

Бабы буквально сбивались с ног, таская на стол и со стола чугуны, горшки и миски, всё, что в них было, подалось почти мгновенно, и хозяин только покрикивал на баб, чтобы несли ещё.

— Ох, сватушка, дорогая, — жаловалась одна соседка другой, выскочив на минутку на огород, — и куда только у них всё это проваливается? Николка-куз-

нец, рябая морда, как крякнет, так полпоросёнка и нету. Я, говорит, гость — ну известно, ничего и не скажешь!

— Где ж, гостю сказать — нельзя, — с сочувствием поддерживает соседка.

Ни щей, ни похлёбок на престольный праздник курская баба не готовила. Готовилось только то, что можно было взять пальцами и засунуть в рот даже пьяной рукой. Только что залили водкой последний кусок у одного хозяина, приходил сосед просить к себе, валили толпой и к нему. Часам к двум, когда проходило время обеда, готовили сани для катанья.

Тут уже не то, что в церковь ехать — честно и чинно, тут валились на сани, как снопы, краснощёкие, пьяные бабы друг на друга вповалку. Кто попадал в середину под груды тел, кто боком на грядку саней, кто зацеплялся коленом или ухватывался за первую попавшуюся шею. Крик, хохот, шутки и весёлая давка.

Какой-нибудь пьяный отчаянный парень, стоя в санях, первый вылетал бешеным галопом из ворот, отдав лошадям вожжи и неистово гикая. Навалившиеся позади него на сани мужики и бабы тоже гикали и махали на лошадей со всех сторон. У некоторых из седоков пьяные руки скребли, как грабли, по снегу, у других пьяные головы свешивались и стучали о грядку. Лошади, испуганные криками, свёртывали с главной улицы под гору на лёд и неслись вскачь, разбрасывая снежные комья, вылезая из хомутов. Сани вскоре одни за другими широко раскатывались и перевёртывались на первом же повороте.

Парень, правящий стоя, перевернувшись в воздухе, вылетал из саней головой в сугроб и едва выбивался из него при общем хохоте, беспомощно махая в воздухе

ногами, обутыми в новые валенки. Кое-кого придавливало санями и волокло носом по льду, пока лошади не останавливались сами собой. С хохотом и ругнёй кое-как распутывались, ни на кого не обижаясь и ни на что не жалуясь. Рядом перевёртывались другие сани, и опять крики и хохот. Пьяные головы всё больше чумели на морозе, и веселье охватывало катающихся.

— Перегоняй, Нефёдка! Задевай за грядку! — Сани скакали мимо саней, обгоняя друг друга с неистовыми криками, при общем участии всех сидящих, стоящих и лежащих. Ловкий возница сильным ударом полоза угождал в левую грядку нагоняемых саней и разом перевёртывал их набок. При взрыве хохота и визге мальчишек он нёсся дальше за другими санями, а сзади его нагонял новый наездник, норовя перевернуть в свою очередь.

Народ усыпал всю широкую улицу села и смотрел, как весёлый «престол» с бубенцами, колокольчиками и пьяными песнями несётся по селу яркий, сытый, пьяный и весёлый.

— То-то пьяны, то-то пьяны, — с восторгом кричит румяная молодка своей соседке, — головы так и мотаются в санях!

— А как же, — солидно отвечает ей стоящая рядом старуха. — У нас завсегда праздник настоящий... Таперича по селу семь дён трезвого не найдёшь!

К вечеру на широком выгоне села собирается «улица». Девки в одних башмаках и кофтах начинают водить хороводы. В избах пусто, все, включая стариков и малых ребят, высыпали на улицу. Мужики только заходят в избы выпить и опять идут на улицу — шататься, обнявшись друг с другом. Всё село из двора во двор

теперь пьяно окончательно и понемногу то там, то здесь начинают вспыхивать драки.

Лысый староста Савелий лез драться с щёголем Костей — городским портным, пришедшим на «престол» и откровенно льнувшем к молодой жене старосты. Человек шесть стариков били за что-то широкоплечего низенького мужичонку, который вопил на всё село, обижаясь особенно за то, что его били «у своего двора». В хороводе тоже местные парни «обижались» на какого-то кавалера из чужой деревни, прихватив ему вместе с шапкой и косматую шевелюру.

К ночи пьяные мужики и бабы, сломленные хмелем, падали, как кому придётся, кто в сугробы околиц, кто под плетни дворов, кто прямо на голом выгоне. Поднимать их было некому, и самые строгие бабы растеряли своих мужей. В овинах и на сеновалах спали смешавшиеся пары, никем не преследовавшиеся и сами не сознававшие, где они и с кем.

К утру обнаруживались беды. Из проруби вытащили замороженного сотского, некоторых подняли в поле чуть дышавших и с отмороженными руками и ногами. Бабы разыскивали своих стариков по чужим дворам и гумнам и с воем и плачем растаскивали их за волосы по домам. Старосту Савелия нашли в овинной яме пятками вверх, с лицом налитым кровью, молодая бабёнка его, когда привели под руки мужа, имела шкодливый и виноватый вид, в то время как портной Костя деликатно выглядывал из-за чужих спин.

С кузнецом Потапом приключилось ещё хуже. Вечером он поехал, пьяный, «докупить вина», и всю долгую зимнюю ночь его водил леший по болоту вокруг села. Два раза он подъезжал к собственному дому, но

оба раза повёртывал назад, не узнавая хаты. К свету он в третий раз приехал в село и, увидев на пороге избы соседку, спросил её:

— Ты взаправду, Арина, али бес Ариной скидывается?

— Точно, батюшка, Арина, заходи к нам согреться...

— Нет, не обманешь, я знаю — ты бес. Арина возля меня живёт, а ты меня среди поля морочишь!

Только с помощью его собственной жены бабам удалось уговорить сбитого с толку Потапа войти в хату, где оказалось, что он отморозил нос.

Так проходил у нас в селе престольный праздник зимнего Николы из года в год и из поколения в поколение.

Анатолий Марков